Рецензии

Алексей С. Титков
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Социология архитектуры: кирпичи для сборки

Рецензия на книгу: Вильковский М.Б. (2010) Социология архитектуры, М.: Фонд «Русский авангард»

doi: 10.22394/2074-0492-2017-1-233-257

Книга М. Вильковского уже по заявленному жанру монографии, «открывающей новое направление», должна с большой вероятностью попасть в руки всех, кто пишет или читает о социологии архитектуры на русском языке. Выход книги в отличном оформлении в авторитетном издательстве фонда «Русский авангард», размещение в открытом доступе в интернете — все это резко увеличивает шансы, что знакомство с социологией архитектуры начнется именно с этого издания.

Влияние «Социологии архитектуры» М. Вильковского обнаруживается прежде всего среди архитекторов. Судя по ссылкам на монографию в eLibrary (три десятка ссылок на конец 2016 года) и GoogleScholar (шесть десятков ссылок), примерно полови-

Титков Алексей Сергеевич — социолог (МВШСЭН 2010), кандидат географических наук (Институт географии РАН, 2008), доцент философско-социологического факультета РАНХиГС. Научные интересы: политическая социология, история социологических идей, культурсоциология. E-mail: a-titkov@yandex.ru

Alexey S. Titkov — associate professor of the Philosophical-Sociological Faculty of the Russian Academy of Sciences, sociologist (MSSES 2010), candidate of geographical sciences (Institute of Geography, RAS, 2008). Research interests: political sociology, history of sociological ideas, cultural sociology. E-mail: a-titkov@yandex.ru

Статья написана при подготовке научно-исследовательской работы «Микросоциология архитектуры и городского планирования» (ЦСИ РАНХиГС, 2015 г.).

ну заинтересованной аудитории книги составляют архитекторы и градостроители, а остальная делится примерно поровну между социальными науками и гуманитарными исследованиями. В организованной М. Вильковским секции по социологии архитектуры на IV Конгрессе Российского общества социологов в Уфе (2012 год) три доклада из четырех опубликованных тоже приходятся на авторов из архитектурных вузов и факультетов [Социология и общество, 2012, с. 7396–7431]. Почему «им», архитекторам, социология архитектуры оказалась нужнее, чем «нам», социологам, — отдельный непростой вопрос[1]. Интерес социологов к городу насчитывает уже столетие, интенсивный интерес к вещам и артефактам — по крайней мере четверть века, а в какой мере сложилась и существует (для социологов, не для архитекторов) социология архитектуры — все еще не очевидно. Почему так получилось, книга М. Вильковского ответа не дает, но дает повод задуматься над вопросом.

Объемное, почти в шестьсот станиц, издание делится примерно поровну на две части: авторскую монографию и сборник текстов. Последний включает в себя как собственные переводы М. Вильковского и его коллег (тексты Ж. Бодрийяра, Х. Делитц, Р. Смита и В. Багни), так и уже издававшиеся тексты П. Сорокина [2000, с. 168-181], У. Эко [1998, с. 203-258], Ю. Лотмана [2000], С. Хан-Магомедова [2005][2].

Авторская монография, если кратко, разочаровывает или даже озадачивает. Собственный теоретический стиль М. Вильковского, когда он проявляется, выглядит, можно сказать, радикально-экс-

1 Характерна реакция архитекторов на тезис М. Вильковского о социологии архитектуры, что «сейчас можно говорить только о начале ее зарождения» и что в России она «в настоящее время отсутствует» [Вильковский, 2010, с. 17, 27]. В по крайней мере двух ранних откликах [Гудков, Морозова, 2011; Кияненко, 2012] были даны похожие возражения: социологический подход (или «социально-архитектурное знание») вообще-то характерен для многих авторов-архитекторов последнего полувека. Ранние упоминания «социологии архитектуры» в текстах на русском языке мы находим тоже у авторов-архитекторов [Глазычев, 1978; Яргина, Хачатрянц 1990]; такое понятия обнаруживается уже в архитектурных спорах конца 1920-х годов [Мулеев, 2014]. В свою очередь в фундаментальной «Социологии в России» [Ядов, 1998] архитектура со всеми производными словами упоминается только в связи с исследованиями и дискуссиями архитекторов и публикациями в архитектурных изданиях.

2 [Baudrillard, 1999; Delitz, 2006; Smith, Bugni, 2006]. Сокращенные версии переводов были опубликованы в журнале «Социс» [Делитц, 2008; Смит, Бани, 2010; Бодрийяр, 2011]. Фамилия соавтора американской статьи (Bugni) на самом деле произносится Багни или, как допустимый вариант, в итальянской форме Буньи (личное сообщение В. Багни в социальной сети Academia.edu, 10 августа 2015 г.).

центричным. Таким он видится прежде всего в заключительной части: повествовательное перечисление более чем различных социологических концепций заканчивается неожиданным выводом, что все они, за редкими исключениями, должны быть забракованы. Заявленная причина заключается в том, что концепции «относятся к гуманитарной парадигме, которая не предназначена для точного объективного знания», представляют из себя «преимущественно набор идей», страдают «гуманитарной мультипарадигмальностью» (т. е. изучают архитектуру «при помощи многих не сводимых друг к другу, часто противоположных теорий») и, наконец, «далеки от научных и практических задач» [Вильковский, 2010, с. 278-279]. Альтернативой им должна стать «системная социология» предложенная А. Давыдовым [2008] из Института социологии РАН: она обеспечит социологию архитектуры «математической, компьютационной, социально-инженерной и естественнонаучной» парадигмами, позволит «интегрировать все теории и уровни социального анализа» в рамках общего подхода, направит на выявление «фундаментальных объективных законов» и разработку управленческих рекомендаций [Вильковский 2010, с. 279-280]. Такой радикальный тезис, выдвинутый буквально в последних абзацах основного текста, оставляет впечатление решающего мяча, забитого даже непонятно, в чьи ворота, на последних секундах игры.

«Традиционную социологию» М. Вильковский все-таки не предлагает убрать вовсе (иначе, спрашивается, зачем надо было собирать увесистый том), а пытается развить и дополнить. Собственным вкладом М. Вильковского в улучшение «традиционной социологии» стала идея, что социологию архитектуры «для более полного анализа» надо дополнить юнгианской глубинной психологией, «поскольку коллективное бессознательное через архетипы влияет на сознание архитектора в процессе проектирования и строительства» [Там же, с. 276-277][1]. Как следствие, в главе об основных теоретиках архитектуры появляется экзотическая для социологов фигура К.-Г. Юнга. Именно этот раздел выглядит, на фоне других, самым живым и оригинальным.

Автор в нем, во-первых, предлагает подумать о влиянии женских архетипов на архитекторов-мужчин (пример — Оскар Нимейер) и мужских архетипов на архитекторов-женщин (пример — Заха

1 Тезис о важности архетипов К.-Г. Юнга для архитектуры был заимствован скорее всего из работ теоретика архитектуры А. Иконникова, чьи идеи по этой теме подробно пересказываются в третьей главе монографии [Вильковский, 2010, с. 202-205].

Хадид); во-вторых, почти открывает заново, своими силами, идеи бионики (обращается к идее Г. Спенсера о сооружениях, заимствующих свои формы из живой или неживой природы; замечает, что архитекторы авангарда любили винтовые лестницы, напоминающие спираль ДНК); в-третьих, почему-то именно в связи с юнгианской психологией затрагивает действительно важную тему о соразмерности архитектурных сооружений с масштабами человеческой телесности [Там же, с. 26-27, 46, 59-64].

Все авторские новшества, будь то «системная социология» или юнгианские архетипы, остаются в книге на уровне деклараций или догадок. Понять, что с ними происходило дальше, можно по более поздним журналистским публикациям [Чирскова, Заславский, 2011; Платов, 2011], где описан замысел собственного исследования М. Вильковского. Нескольким группам испытуемых предлагалось оценить по шкалам семантического дифференциала Ч. Осгуда (хороший — плохой, чистый — грязный и т. д.) изображения архитектурных объектов: храм Покрова на Нерли, авангардный дом Мельникова в Кривоарбатском переулке, типовая хрущевка и многоэтажный отель в коммерческом стиле. Психологические шкалы должны доказать, что «человеческая психика универсальна» [Чирскова, Заславский, 2011], а количественный характер исследования приближает его к заявленному образцу «компьютационной социологии». Известно также, что результатом исследования стал «колоссальный массив статистических данных, с которым, правда, не совсем ясно, что делать», и что «алгоритм применения полученных гигантских данных Вильковский еще разрабатывает» [Платов, 2011]. Будем надеяться, что когда-нибудь разработает.

Большая часть монографии составлена совсем в другом стиле. Вильковский [2010, с. 21] называет его «принципом хрестоматии», более привычное его название — реферативный стиль. Речь идет о реферировании в самой элементарной форме: в конспектах и выписках автор за автором, текст за текстом. Такой стиль задается уже в первом разделе первой главы «Отдельные взгляды, идеи и теоретические построения», где авторский анализ проявился разве что в завершающем выводе: «все рассмотренное выше не может быть использовано как основа социологии архитектуры, но может рассматриваться лишь как отдельные взгляды на архитектуру» [с. 75]. В разделе пересказаны в более или менее хронологическом порядке, с отдельными сбоями М. Вебер (136 слов), Г. Зиммель (258 слов), Э. Дюркгейм (254 слова), Г. Спенсер (281 слово), К. Манхейм (153 слова), Н. Элиас (210 слов), В. Беньямин (355 слов), М. Фуко (281 слово), Э. Гидденс (81 слово), Ч. Р Миллс (87 слов), З. Бауман (53 слова), Ж. Бодрийяр (1360 слов), П. Бурдье (2809 слов), У. Эко (2782 слова), П. Сорокин

(428 слов), М. Кастельс (537 слов); сюда же помещены эссе об идеях К.-Г. Юнга (1610 слов) и очерк о Рэме Колхаасе (1014 слов).

Остальные разделы построены, как правило, по такому же принципу реферативного перечисления. Второй раздел первой главы о современных западных школах социологии архитектуры составили: в первой части, о немецкой школе, общая справка по социологии архитектуры в Германии (581 слово), изложение «Социологии для архитекторов» Г. Фелдюссена (2073 слова) [Feldhusen, 1975], перечень авторов, занимающихся социологией города и/или архитектуры (347 слов), аннотации пяти монографий на немецком по социологии города и пространства (975 слов); хроника выпуска учебников, монографий, библиографий и докладов по социологии архитектуры в Германии (521 слово); отчет о семинаре 2007 года во Франкфурте-на-Майне с докладом Г. Шуберта о соотношении социологии архитектуры и социологии города (428 слов); изложение докладов Й. Фишера об архитектуре как средстве коммуникации (679 слов) и Х. Делитц о материальности архитектуры (362 слова) на семинаре 2008 года в Дармтштадте; изложение статьи Х. Делитц «Архитектура общества» (1205 слов) [Delitz, 2006]; изложение сборника «Архитектура общества» под редакцией Й. Фишера и Х. Делитц (1098 слов) [Fischer, Delitz, 2009]. Вторая часть раздела об американских социологах архитектуры: общая справка о Р. Смите и В. Багни (313 слов), изложение их четырех публикаций в бюллетене American Institute of Architects в Лас-Вегасе (1838 слов) и краткой рецензии Дж. Бимена (в книге «Дж. Бин») на них в бюллетене American Sociological Association (219 слов) [Beaman, 2002]; изложение статьи Р. Смита и В. Багни в Symbolic Interaction (3623 слова) [Smith, Bugni, 2006]; перечень «некоторых современных англоязычных работ по социологии архитектуры» (57 слов), изложение «Экспериментальной социологии архитектуры» Г. Анкерля (2829 слов) [Ankerl, 1981], «Архитектуры и нарратива» С. Псарра (137 слов) [Psarra, 2012] и сборника «Гендер и архитектура» под редакцией Л. Дернинг и Р. Рингли (768 слов) [Durning, Wrigley, 2000].

Третий раздел «Отечественная архитектура и социология» включает в себя изложение работ искусствоведов С. Хан-Магомедова (7181 слово), А. Иконникова и его последователей (3763 слова), архитекторов-авангардистов Ле Корбюзье (441 слово), Н. Милютина, М. Гинзбурга, К. Мельникова и А. Бурова (вместе 358 слов), научно-популярной книги ректора МАРХИ Д. Швидковского (351 слово), статей Ю. Лотмана [2000] «Архитектура в контексте культуры» (390 слов) и В. Глазычева [1978] «Социология архитектуры — какая и для чего?» (422 слова); и, наконец, такие же реферативные разделы о «бумажной архитектуре» (565 слов) и «параархитектуре» одной из современных архитектурных групп (314 слов).

Последняя глава «Урбанистика, социология города и социология архитектуры» выглядит чуть более аналитичной, даже с небольшой исследовательской интригой. Тем не менее она тоже состоит по большей части из следующих друг за другом рефератов. Пересказаны книги «Культура городов» и «Город в истории» Л. Мамфорда (1822 слова), «Образ города» К. Линча (1151 слово), «Жизнь и смерть больших американских городов» Дж. Джекобс (456 слов), «Проектирование городов» Э. Бэкона (437 слов), «Левиттаун» Г. Ганса (87 слов), «Форма дома и культура» А. Раппопорта (629 слов), «Город, имеющий форму» и «Сформированный город» С. Костофа (694 слова), «Создание городов» Дж. Фрага (363 слова), «Соблазны места» Дж. Рикверта (343 слова), работы и идеи архитектора Ричарда Роджерса (719 слов), а также российские социологи города «О. Яницкий, Л. Коган и другие» (1084 слова).

Интрига последней главы состоит в том, что автор задается вопросом, как соотносятся между собой социология архитектуры и урбанистика, вернее, как понимают их соотношение специалисты по урбанистике и социологии [Вильковский, 2010, с. 226]. Поиск автора показал, что в посвященных проблемам урбанистики журналах, конференциях и семинарах социология архитектуры, как правило, не упоминается [Там же, с. 227-229]. Сканирование работ «некоторых классиков урбанистики» (перечислены выше) и отечественных социологов и урбанистов приводит к выводу, что урбанистика, «несмотря на отдельные [обратные] примеры, не рассматривает социологию архитектуры как свою составную часть», и для нее, как и для социологии города, «архитектура и соответственно социология архитектуры не являются (...) сколь-нибудь существенными» [Там же, с. 261-262, 265]. В такой ситуации для социологии архитектуры намечены, как можно понять, две альтернативы: следовать за немецкими социологами архитектуры, которые предлагают «разделиться» с социологией города [с. 94-96, 264] или же объединить изучение архитектуры и города в рамках нового направления. И уже не «гуманитарного», а «компьютационного», как предлагает «системная социология» А. Давыдова [с. 269-270].

В итоге получается, что поставленную в начале книги задачу «обосновать (...) саму возможность существования социологии архитектуры» [с. 21] автор решает самым незатейливым способом — «указывая пальцем»: смотрите, социология архитектуры уже в какой-то мере существует.

Предельно реферативный стиль монографии, конечно, усложняет задачу рецензента, обязанного полемизировать, критиковать и отмечать положительные стороны. Тем не менее попробуем. Спорным выглядит вывод, что «классическая социология XX века высказыва-

ла лишь отдельные идеи о связи архитектуры и общества» [с. 271]. Для автора этот вывод следует, как можно понять, из фрагментарного, «списочного» характера первой главы. Картина, однако, может резко измениться, если рассматривать классиков как они заслуживают, то есть как авторов с достаточно последовательными идеями и аргументами, как это сделано в проведенной А. Филипповым [2008, с. 64-116] реконструкции идей Г. Зиммеля о пространственных формах.

Неудачным выглядит деление автором теорий и подходов на «западные» и «отечественные». Отличие между ними М. Вильковский [2010, с. 162] обнаруживает в том, что, «если на Западе социологи обращались к архитектуре, то у нас в основном к социологии обращались архитекторы». Подобная схема плоха уже тем, что не оставляет места сравнению «архитекторов, обратившихся к социологии» по разные стороны границы, даже там, где такое сравнение напрашивается (например, баухауз и советский конструктивизм). Западные архитекторы, «обратившиеся к социологии», оказываются разбросанными по разным частям книги: Рэм Колхаас попадает в «западную социологию архитектуры», Ле Корбюзье — в «отечественную традицию», Ричард Роджерс (соавтор проекта Центра Помпиду в Париже) — в «урбанистику». Никакого сквозного анализа их идей при этом, конечно, не получается. Такие же неудобства возникают на «социологической» стороне. Когда семиотика, внутренне сплоченное интернациональное направление, разрезается по госгранице на «западного» У. Эко и «отечественного» Ю. Лотмана, получается слишком похоже на описанный Артемием Троицким репертуарный список советской дискотеки, где были записаны «Бах (автор) — ГДР (страна)» и «Бетховен — ФРГ», и первый представлял музыку социалистических стран, а второй — капиталистических. Наверняка более полезным, чем деление по странам, вышло бы сравнение по профессиям, в котором социологи сопоставлялись бы с социологами, искусствоведы — с искусствоведами, а немецкая «социология для архитекторов» [Feldhusen, 1975] — с их советским аналогом [Яргина, Хачатрянц, 1990], в обзоре М. Вильковского пропущенным.

К содержательным тезисам М. Вильковского, когда они появляются, претензий тоже много. «Во второй половине XX века архитектура рассматривалась отдельными теориями, такими, как семиология, постструктурализм и постмодернизм (У. Эко, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, М. Кастельс)» [Вильковский, 2010, с. 272]: семиология и постструктурализм здесь никак не получаются «отдельными направлениями». Семиотик У. Эко в «Отсутствующей структуре», где он развивает свою семиологию архитектуры, предлагает также образцово постструктуралистскую критику предшественников (прежде всего

К. Леви-Стросса) с итоговым выводом, что «по-видимому, философский структурализм оказался несостоятельным» [Эко, 1998, с. 364]. Посмодернист Ж. Бодрийяр — в то же время постструктуралист и семиотик.

Другая неувязка с постструктурализмом — раздел «Постструктурализм архитектуры Пьера Бурдье» [Вильковский, 2010, с. 39–46], название которого, в принципе корректное, расходится с его содержанием. В предложенном конспекте «Практического смысла» и «Мужского господства» их автор предстает типичным антропологом леви-строссовской школы, изучающим кабильское жилье с помощью набора дуальных оппозиций. Постструктуралистский поворот П. Бурдье [2001, с. 12-32] к «логике практики» оказывается вынесенным за скобки.

«Как отдельное направление социологию архитектуры впервые стал рассматривать Питирим Сорокин в работе, посвященной социальной и культурной динамике» [Вильковский, 2010, с. 273] — нет, на самом деле П. Сорокин в «Социальной и культурной динамике» не видел в архитектуре ничего «отдельного» и рассматривал ее в качестве одного из видов искусства, подчиненных, как и другие, общей логике динамики стилей[1].

«Американская школа [социологии архитектуры] базируется на теории символического интеракционизма, на формирование которого в рамках Чикагской школы работы Г. Зиммеля также оказали большое влияние» [Там же, 2010, с. 273] — здесь, похоже, склеены две Чикагских школы, одна из которых разрабатывала символический интеракционизм (Дж. Г. Мид и Г. Блумер), а другая развивалась под сильным влиянием Г. Зиммеля (Р. Парк, Л. Берджес, Л. Вирт и др.).

«С.О. Хан-Магомедов долгое время изучал архитектуру советского авангарда (...), прежде всего визуальный ряд архитектурных форм. Поэтому, в определенном смысле, можно говорить об использовании им методов визуальной социологии» [Там же, с. 278] — скорее нельзя, потому что анализ визуального ряда совсем не обязательно социологическая техника.

Некоторые из огрехов книги из разряда элементарных, объяснимых разве что долгим, с середины 1990-х годов, отрывом автора от академической науки[2]. Во избежание обвинений в некоррект-

1 Ср.: «Подробно рассмотрев флукутуации (...) стилей в живописи и скульптуре, я намерен (...) показать, во-первых, что те же самые категории применимы и к архитектуре, музыке, литературе, художественной критике» [Сорокин, 2000, с. 168].

2 Доступная по открытым данным академическая биография М. Вильковского включает в себя ваковскую статью (1994) и диссертацию (1996) по со-

ном цитировании не следует копировать большими абзацами работы других авторов — даже с кавычками и/или постоянными склейками вида «далее автор говорит, что». В заключении и выводах — тем более не надо. Непонятно, зачем нужен почти дословный пересказ текстов, публикуемых тут же во второй части книги (Ж. Бодрийяр, Х. Делитц, Ю. Лотман, Р. Смит и В. Багни, П. Сорокин, С. Хан-Магомедов, У. Эко) . Не надо, если это не исследование интернета, цитировать в качестве авторитетного источника страницы Википедии. Научные публикации можно искать не только через ту же Википедию, Amazon.com и Google Books, но и — так гораздо надежнее — через специализированные базы. Список литературы лучше давать в алфавитном порядке, чтобы в нем можно было ориентироваться. Перевод текста Ж. Бодрийяра, даже если это лекция в Австрии, все равно стоит проверить по французской версии, не ограничиваясь одной лишь немецкой. Имена и фамилии тоже следует проверять на предмет правильного написания (и не превращать, например, Хайке Делитц в «Хейке»). Умберто Эко, когда он нас интересует как ученый-семиотик, не обязательно называть автором «Имени розы», мы его любим, как говорится, не только за это; и уж точно не надо путать его имя с фамилией. В хорошо изданную книгу лучше было, конечно, позвать литературного редактора и корректора, чтобы справиться с многочисленными стилистическими сбоями («являются… явлениями») и опечатками («имперических исследований»). Если книга выпускается с пометкой «научное издание» не ради налоговых льгот, то не стоило обходиться без внешних рецензентов. Возможно, они подсказали бы, что накопленный материал лучше было издать не монографией, которая явно не получилась, а в виде сборника переводов, рецензий, аннотаций и справок — тоже достойный жанр, востребованный читателями.

Наконец, после критики — о полезном вкладе. Русскому академическому читателю впервые представлены в значительном объеме современные немецкие социологи архитектуры [Вильковский, 2010, с. 75-112, 501-533], лас-вегасский тандем Р. Смита и В. Багни [Там же, с. 113-142, 534-583][1]; к ним можно добавить, с оговорками, реферативное введение в «экспериментальную социологию архи-

---

циологии Вооруженных сил, затем прерывается на десятилетие с лишним. Возвращение М. Вильковского в науку отмечено докладами по социологии архитектуры (2008, 2009, 2012), статьями в журнале РГСУ (2008) и в сборнике «заочной конференции» (2012), серией переводов (кроме уже названных — перевод Ч. Осгуда в журнале «4М», 2012), и дальше, похоже, опять перерыв с новым уходом в бизнес.

1 Перевод лекции Ж. Бодрийяра тоже, разумеется, «в плюс» изданию, но с оговоркой, что речь идет об авторе, который и так на слуху, и о тексте, который

тектуры» Г. Анкерля [Там же, с. 142-155][1]. С выходом «Социологии архитектуры» основные «очаги», как называет их М. Вильковский [с. 113], западных исследований архитектуры стали доступнее, чем были раньше[2].

Карта современной социологии архитектуры, если взять из обзора М. Вильковского только действующих социологов 2000-х годов, сводится в схематичном виде к двум «очагам»: немецкой школе Й. Фишера и Х. Делитц и интеракционистского тандема социолога Р. Смита и архитектора В. Багни в Лас-Вегасе. С учетом дистанции, отделяющей нас от выхода монографии, в карту стоило бы внести по крайней мере две поправки: во-первых, добавить манчестерскую социологию архитектуры А. Яневой и С. Гая и вообще изучение архитектуры в рамках STS[3]; во-вторых, «очаг» в Лас-Вегасе пометить как «затухающий» со смертью Р. Смита в 2012 году[4]. Несмотря на эти обстоятельства, предложенный М. Вильковским набор тоже важен для дискуссии о возможных направлениях социология архитектуры.

«Очаги» позволяют реконструировать предысторию социологии архитектуры, какой она видится в каждом из них. Главными источниками современной социологии архитектуры в обоих «очагах» служат, во-первых, классические авторы прошлого, которые интересовались архитектурой или близкими сюжетами; во-вторых, результаты поворота архитекторов к социальным проблемам и/или диалогу между архитекторами и социологами, который в обоих случаях приходится на 1960-е годы. В ориентирован-

---

представляет лишь малую часть его сочинений об архитектуре (см. [Proto, 2006]).

1 [Ankerl, 1981]. В книге — «Гай Энкерль из Массачусетского технологического института». Гай (Геза) Анкерль — живущий в Женеве социолог венгерского происхождения (эмигрировал в 1956 году), занимающийся в основном глобальными проблемами капитализма. Работа над «Экспериментальной социологией архитектуры» происходила, помимо Масачуссетского технологического института (MIT), также в Монреальском университете и в Швейцарии.

2 Более востребованной оказалась статья Х. Делитц: база eLibrary.ru дает три десятка ссылок на опубликованный в 2008 году в «Социсе» сокращенный перевод; ссылки на аналогичную публикацию статьи Р. Смита и В. Багни носят единичный характер.

3 См., например, выпуск журнала Science and Technology Studies по социологии архитектуры под редакцией А. Яневой и С. Гая [Yaneva, Guy, 2008].

4 См. мемориальную страницу о Р. Смите на сайте Университета Невады: [http://www.unlv.edu/people/ronald-smith]. Тематическая страница Р. Смита и В. Багни «Defining Architectural Sociology» [http://strata.unlv.edu/smith_bugni/smithbugni.html] с их публикациями и учебными курсами больше не поддерживается и доступна только в интернет-архивах.

ной на традицию символического интеракционизма американской версии Р. Смита и В. Багни предшественники представлены У. Джеймсом, Ч. Кули, Дж. Мидом, Г. Блумером, дополнены Г. Зиммелем («Большие города и духовная жизнь») и «драматургическим» И. Гофманом [Вильковский, 2010, с. 537-541]. Немецкая версия в изложении Х. Делитц разнообразнее: М. Хальбвакс и Г. Зиммель с интересом к материализованным формам социальности; марксистская критика архитектуры как отражения буржуазного общества (В. Беньямин, Э. Блох); анализ взаимосвязей между структурированием пространства, отношениями власти и организацией повседневной жизни в работах М. Фуко и Н. Элиаса; концептуализация архитектуры Д. Беккером на языке лумановской социологии [Там же, с. 504-510].

«Социальный поворот» в архитектуре Р. Смит и В. Багни связывают с направлением социального дизайна, возникшего в 1960-е годы вместе с общим интересом к проблемам гражданских прав, расового и гендерного неравенства, охраны окружающей среды и др. [Там же, с. 552-554][5]. Немецкая версия диалога социологов и архитекторов, изложенная Г. Фелдюссеном [Feldhusen, 1975], начинается с дискуссии о проблемах градостроительства, начатой в 1960-е годы в Америке Дж. Джекобс [Джекобс, 2011], а в Германии социологом Х.-П. Бардтом [Bahrdt, 1961; Bahrdt, 1968] и философом и психологом А. Митчерлихом [Mitscherlich, 1965]. Заседание Союза немецких архитекторов в 1967 году «Как мы будем жить дальше» с выступлениями Х.-П. Бардта, А. Митчерлиха и других критиков стало знаком поворота к социальным проблемам в профессиональной архитекторской среде [Вильковский, 2010, с. 80-83].

Перечисленными именами и эпизодами интерес архитекторов к социологической проблематике, конечно, не ограничивается. Тезис М. Вильковского [2010, с. 162] об «архитекторах, обратившихся к социологии», справедлив не только для «нашей» ситуации, но и в отношении западной архитектуры. Социальные проблемы в советском архитектурном авангарде в изложении С. Хан-Магомедова [Там же, с. 421-500], социальные идеи архитектурного деконструктивизма в анализе Х. Делитц [с. 522-533] — убедительные тому примеры. Хартия ЮНЕСКО и Международного союза архитекторов (UIA) по архитектурному образованию предусматривает, что современный архитектор должен обладать умением «дей-

5 Направление «социального дизайна» представлено, в версии Р. Смита и В. Багни, работами Р. Соммера [Sommer, 1969; Sommer, 1974; Sommer, 1983], Ф. Стила [Steel, 1973; Steel, 1981; Steel, 1983], Дж. Зейзела [Zeisel, 1975; Zeisel, 1977; Zeisel ,1984], Р. Гутмана [Gutman, 1985; Gutman, 1988], Г. Дэвиса [Davis, 1999] и др.

ствовать, используя знание общества, и работать с заказчиками, которые являются выразителями потребностей общества», «составлять задания на проектирование, формулируя потребности общества», «проводить исследования и определять, в зависимости от контекст, функциональные требования для различных типов архитектурной среды», «понимать социальный контекст, в котором намечается создание той или иной архитектурной среды, учитывать эргономические и пространственные требования, а также вопросы социальной справедливости и удобного доступа для всех» (Хартия ЮНЕСКО/МСА, 2011, с. 3-4). В общем, архитектор уметь видеть социологическую проблематику и разбираться в ней. Почему нет такого же интереса социологов к архитектуре — вопрос, с которым стоит разобраться хотя бы на примере двух «очагов» из обзора М. Вильковского.

Первое, что мы можем обнаружить, сравнивая предлагаемые в монографии тексты Р. Смита и В. Багни [Smith, Bugni, 2006] и Х. Делитц [Delitz, 2006], — это общий для них тезис, что социология архитектуры только зарождается, и вместе с тем заметное расхождение во взглядах но то, какой она должна быть.

Для Р. Смита и В. Багни «настало время социологии архитектуры» как междисциплинарной области, в которой социологи, психологи и антропологи вместе с архитекторами работают над проблемами, возникающими у проектировщиков и пользователей их проектов [Вильковский, 2010, с. 571-572, 578, 583]. В этом совместном предприятии социологи могут предложить прежде всего свои навыки наблюдения и интервью, и авторы намечают темы, в которых понадобится их помощь: проектирование школ, рабочих помещений, жилых кварталов, домов престарелых [Там же, с. 572-582].

Программный текст Х. Делитц говорит о внутренних проблемах социологии, для которой архитектура почему-то до сих пор не стала «своей» вещью наподобие религии, искусства, техники, города и других, которым посвящены отдельные состоявшиеся дисциплины [Там же, с. 503][1]. Делитц беспокоит не практический вклад социологов в архитектурные проблемы, а скорее неопределенность «основного вопроса социологии архитектуры», отсутствие разработанной проблематики архитектуры в существующих теориях общества [Там же, с. 503-505]. Ответ Х. Делитц тоже носит теоретический характер и обращен прежде всего к социологам архитекту-

1 Парадоксальным образом статья Х. Делитц вышла в междисциплинарном архитектурном издании, а статья Р. Смита и В. Багни в академическом теоретическом журнале — по направленности их текстов можно было бы ожидать обратного.

ры как новому академическому сообществу, отделившемуся совсем недавно от социологии города.

Разная направленность статей все-таки не мешает сравнивать ни предложенные в них теоретические решения, ни их практический потенциал.

Интеракционистское решение Р. Смита и В. Багни отталкивается от дискуссии «структура или действие», которую они рассматривают на примере П. Бурдье и Э. Гидденса[1], и от заявленной «некоторыми социологами» позиции «архитектурного детерминизма», в которой архитектурные формы непосредственно влияют на человеческое поведение [Там же, с. 547-548]. Альтернатива, предложенная авторами от имени символического интеракционизма, состоит в том, что влияние архитектурных форм должно рассматриваться как «потенциальное»: архитектура предлагает набор возможностей, которые люди затем используют по своему выбору [Там же, с. 547-548].

Основная идея символических интеракционистов, которую развивают Р. Смит и В. Багни, состоит в том, что сформированный в человеческом общении навык определять роль другого, примеряя ее на себя, работает и в отношениях людей с материальными объектами [с. 565-566]. Идеальным объектом интеракционистского анализа было бы, наверное, инопланетное существо из советского мультфильма «Контакт» (1978), которое превращается поочередно в ботинки, трубку, мольберт, в пролетающих птиц и бабочек, чтобы понять их, наладить с ними взаимодействие, и, наконец, под музыку из «Крестного отца» Копполы налаживает его с человеком, который ожидаемым образом лучше других способен к символической интеракции. Образцовые примеры предлагают классические тексты Дж. Дьюи и Дж. Мида: студент обнаруживает на палубе парома вертикально стоящий шест и перебирает в своем воображении догадки, которые объяснили бы лучшим образом его назначение

1 По версии Р. Смита и В. Багни, в споре «структура против действия» П. Бурдье [2001] находился на стороне «структуры» и доказывал, что люди принимают как данность, предлагаемую им социальной средой «символическую классификацию» их жилищ, тогда как Э. Гидденс [2011], наоборот, находится на стороне «действия» и демонстрирует, насколько по-разному люди воспринимают и обустраивают свои дома [Вильковский, 2010, с. 547-548]. Такая реконструкция выглядит спорной: скорее, П. Бурдье, и Э. Гидденс в дискуссиях о «структуре и действии» предлагают решения, которые объединяет, с одной стороны, заявленная ими обоими амбиция преодолеть этот разрыв, с другой, похожий набор исходных элементов: практика, телесность, (не)рефлексивность, властные ресурсы. Для основной темы обзора этот момент, впрочем, не имеет существенного значения.

[Дьюи, 1997]. Инженер, проектирующий мост, представляет его личностью и принимает на себя роль «другого», чтобы предугадать и решить его проблемы [Mead, 1934]. По такой же схеме «некоторые» архитектурные объекты тоже наделяются людьми свойствами агента и способностью влиять на человеческое поведение [Вильковский, 2010, с. 565-567]. Важно подчеркнуть некоторые: Р. Смит и В. Багни далеки от утверждения, что агентностью и «внутренним голосом» наделяются все искусственные материальные объекты, и замечают, что иногда искусственное материальное окружение «слишком обыденное и скучное, чтобы возбуждать интерес и любопытство» [Там же, с. 567-568]. Авторы подчеркивают, ссылаясь на авторитет Г. Блумера [Blumer, 1966], что архитектура не несет самостоятельной «внутренней смысловой нагрузки», именно люди вкладывают смысл в архитектурные сооружения [Вильковский, 2010, с. 547-548].

Немецкая версия социологии архитектуры (Й. Фишер и Х. Делитц) опирается на философскую антропологию М. Шелера и Х. Плеснера, прежде всего на их идеи о «полагании границ физического тела» как ключевом свойстве живых существ, об «эксцентричной позициональности» человека, незавершенности человеческой природы и следующих из нее «потребности в восполнении» и «естественной искусственности», природно обусловленной необходимости создавать себе искусственную среду для жизни [Плеснер, 2004]. Из них следуют необходимость для человека достраивать с помощью архитектуры свою искусственную «вторую природу», устанавливая в ней формы и границы, а также свойственные архитектуре постоянное обновление, оспаривание уже созданного вследствие необходимости для человека выражать себе, создавая что-то новое [Вильковский, 2010, с. 521]. На идеях Э. Кассирера и Х. Плеснера основана также концепция Й. Фишера об архитектуре как средстве коммуникации (медиа). В понятии средств коммуникации из эстезиологии («критики чувств») Х. Плеснера заимствуется, во-первых, отказ от разделения материальности и значения; во-вторых, предполагаемое «избирательное сродство», внутренняя близость между, с одной стороны, материалом и структурой средства коммуникации, и, с другой стороны, вызываемых ими чувствами и поведенческой реакцией[1]. Первая идея дает возможность определить архитектуру как «тяжелое» средство коммуникации, действие которой связано — в отличие от языка, музыки, науки и других «легких» медиа — с ее материальностью; вторая идея

1 В англоязычной среде, где известность и влияние Х. Плеснера существенно меньше, похожие интуиции были бы связаны соответственно с идеями М. Маклюэна [2003] и с понятием «affordance» Дж. Гибсона [1988] и Д. Нормана [2006].

позволяет оценить и спрогнозировать воздействие архитектурных объектов на чувства и поведение [Там же, с. 517-520].

Немецкие социологи архитектуры рассматривают архитектурные объекты двояким образом: как своего рода «сейсмограф общества», отражающий его текущее состояние, и как новые объекты материальной среды, которые сами приводят к значимым материальным последствиям. Приводимая Р. Смитом и В. Багни цитата речи из У. Черчилля, «мы создаем наши дома, а затем наши дома создают нас» [Там же, с. 549], больше подходит неожиданным образом к исследовательской программе Х. Делитц[1].

Из теоретических посылок Р. Смита и В. Багни, а также Й. Фишера и Х. Делитц можно уже понять, с чем связан очень разный, во многом контрастный, набор предлагаемых ими примеров и исследовательских вопросов. Делитц выбрала для анализа проекты архитектурного деконструктивизма: без истории (некоторые из них, как Spiral House Захи Хадид, существуют только на бумаге), но с выразительными «инопланетными» формами [Там же, с. 524-533]. Смит и Багни замечают, наоборот, объекты, которые не обязательно выделяются своими архитектурными формами, но обладают сильным эмоциональным воздействием за счет исторической, культурной, религиозной составляющей: Стена Плача и мечеть «Купол Скалы» в Иерусалиме, Дом Богородицы в Эфесе, Стоунхендж, собор Св. Петра в Риме и др. [Там же, с. 544-546, 568-571]. Делитц сопоставляет архитектурные объекты с состоянием общества [Там же, с. 530-533], Смит и Багни — с внутренним миром индивидов [с. 542-546, 567-571]. Делитц обращает внимание на архитекторов [с. 524-533], Смит и Багни — на пользователей, которым предназначены архитектурные проекты [с. 571-582].

Наконец, совпадающие сюжеты, которые лишь подчеркивают разницу между двумя подходами. Типичные для Х. Делитц истории о том, как архитекторы поддерживают существующие модели поведения (культурные традиции, профессиональные стереотипы и др.), решают задачи контроля населения, стимулируют социальные перемены, практически полностью перечислены в статье Р. Смита и В. Багни[2]. Здесь, однако, они описаны как «задачи, решае-

1 То же самое можно сказать о предложенном Р. Смитом и В. Багни «логичном продолжении» этой фразы: «через некоторое время нам может захотеться перестроить наши дома, и впоследствии мы, возможно, решим сделать это еще не раз» [Вильковский, 2010, с. 549].

2 Среди особенно близких «рифм» между двумя текстами в этой части: исследование американских торговых центров Р. Шилдсом [Shields, 1992] и анализ парижских пассажей В. Беньямином [2013, с. 36-39] — похожий анализ зданий, выражающих идеи изобилия и равного доступа к благам.

мые проектировщиками» [с. 553-554], то есть, в понимании авторов, как задачи несоциологические.

Тезис Р. Смита и В. Багни о том, что важны смыслы, «переданные» людьми архитектурным объектам, а не характеристики здания как вещи, означает, что если нас все-таки интересует, как материальные характеристики здания (объем, форма, структура, материалы) влияют на людей, на их чувства и поведение, ответ надо будет искать где-то в другом месте. К такому же выводу приходят сами авторы, предполагающие, что вопросами подобного рода должны заниматься специалисты из других дисциплин, прежде всего архитекторы-планировщики и экопсихологи, а символические интеракционисты помогают им в пределах своей компетенции.

Модель такого сотрудничества можно представить по приводимому Р. Смитом и В. Багни примером с архитектурой рабочих помещений: от проектировщиков зависит, как часто сотрудники будут пересекаться в общих помещениях (комнаты для корреспонденции, ксероксные, холлы и др.), как часто, в зависимости от дистанции между рабочими местами, они будут обмениваться разговорами во время работы, но не очевидно, какое именно соотношение между контактами, разговорами и работой в одиночестве будет оптимальным. Именно это, как считают авторы, могут выяснить социологи [с. 575-577]. Работа такого рода может быть полезной, но правильнее ее будет назвать «социологией для архитекторов», а не социологией архитектуры: основную часть вопросов, касающихся роли и места архитектурных объектов в социальном мире, Р. Смит и В. Багни переадресуют архитекторам и психологам. Мы, конечно, не можем упрекать авторов за то, что они не предложили нам отвечающую на основные вопросы об архитектуре «социологию для социологов», потому что они, напомню, и не ставили себе такой задачи. Заметим только, что для подобного предприятия, если оно нам важно, придется искать другой опорный источник.

Слабость или по крайней мере очень спорный момент интеракционистской модели, как ее излагают Р. Смит и В. Багни, обнаруживается в том, что они, заявляя «немалое удивление» привычкой социологов не замечать важность искусственного материального окружения, рассматривать его в качестве «некой не заслуживающей нашего внимания… данности» [с. 583], объясняют, почему, по их же логике, огромная масса «слишком обыденных и скучных» материальных объектов [с. 567-568] действительно не заслуживают интереса. Речь идет об объектах, которые, будучи какими угодно «скучными», заметно влияют на поведение, как это делают, например, «обычные» стены, двери, и заборы. Исследования повседневных

практик и дисциплинарных техник (П. Бурдье, Э. Гидденс, Н. Элиас, М. Фуко и др.), наоборот, подчеркивают важность такого рода «скучных объектов» в структурировании повседневности. В свою очередь с «выдающимися объектами», оставленными Р. Смитом и В. Багни в поле внимания, проблема в том, что их сильное воздействие, возможно, лучше объясняется альтернативными символическому интеракционизму моделями, например, «коллективными эмоциями» школы Дюркгейма.

Пример, на котором Р. Смит и В. Багни хотят показать несостоятельность «архитектурного детерминизма» — сотрудники не пользуются спроектированным для них помещением, которое находится слишком далеко от основных рабочих мест [с. 548], — говорит, может быть, скорее об обратном: определяющим оказывается именно устройство материальной среды, проблема только в том, что влияние оказалось нежелательным и непредвиденным.

Как бы мы ни оценивали интеракционистское решение, имеет смысл внимательно прислушаться к полемическим аргументам Р. Смита и В. Багни, к их критике «архитектурного детерминизма». Люди в созданной архитектурой искусственной среде действительно часто ведут себя не так, как рассчитывали проектировщики и их заказчики, и объяснение соответствующих сбоев и расхождений, наверное, может стать одной из ключевых задач, вокруг которых будет строиться социология архитектуры. Объяснение Р. Смита и В. Багни исходит из свойственной человеческому поведению «интерпретационной гибкости» [Gieryn, 2002]. Такой тезис выглядит обоснованным, но недостаточным. Противопоставляя напрямую архитектурный проект «интерпретационной гибкости», мы упускаем важные промежуточные компоненты. «Интерпретационная гибкость» связана, с одной стороны, с устойчивыми смыслами и практиками, сложившимися в данной культуре по отношению к архитектурным объектам (или элементам) соответствующего типа; с другой — с характеристиками этих объектов как материальных вещей, их формой, структурой, поверхностью, прочностью и т. д. Как материальные характеристики, так и культурный фон, одновременно и ограничивают «интерпретационную гибкость» в обращении с архитектурными объектами, и создают возможности для нее.

Представленные альтернативы имеют дело с одними и теми же составляющим: (A) проект, (B) культурный фон, (C) материальное воплощение проекта и (D) интерпретационная гибкость пользователей. Соединив все четыре элемента в одной схеме (см. рисунок), мы можем охарактеризовать различные подходы к социологии архитектуры по их интересу к разным углам и сторонам четырехугольника A–D. Интеракционистская социология Р. Смита и В. Багни

строится на противопоставлении архитектурного замысла и интерпретационной гибкости пользователей архитектурного объекта (A–D), а также в значительной мере на выраженных в проекте культурных и социальных значениях (B). Социология Х. Делитц смотрит, с одной стороны, на материальные характеристики проекта (A–C), как они, по замыслу архитектора, будут влиять на поведение пользователей; с другой, на отношения между обликом зданий и социальным культурным фоном (A–B). Таким же образом мы можем охарактеризовать другие направления, представленные в подборке М. Вильсковского. Семиотика архитектуры У. Эко [1998] интересуется соотношением между фоновыми культурными значениями и интерпретационной гибкостью (B–D), тогда как Ю. Лотман [2000] также в рамках семиотического подхода больше обращает внимание на исключительные особенности конкретного архитектурного проекта, его отклонения от предзаданного контекста (B–A).

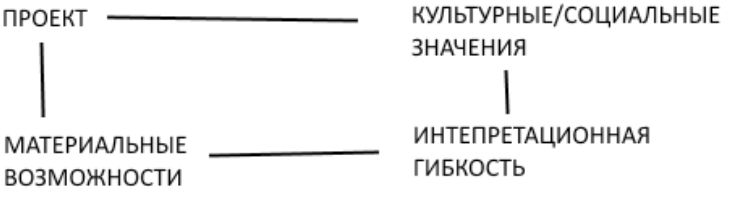

Рис. 1. Основные темы современной социологии архитектуры
Fig. 1. Main topics of contemporary sociology of architecture

Схема помогает увидеть также другие возможности, пропущенные в обзоре М. Вильковского. К ним относятся прежде всего теоретические ресурсы «материального поворота» в социологии. Некоторые важные характеристики социологии материальности были сформулированы в рамках полемики с подходом символического интеракционизма, который не обращает достаточного внимания на материальные рамки (фреймы) социального взаимодействия [Латур, 2006]. «Материальный поворот» в свою очередь сам содержит в себе ряд расходящихся альтернатив. Они зависят, в частности, от того, делается ли акцент на противопоставлении межчеловеческих отношений и «постсоциальных» отношений людей с материальными объектами [Кнорр-Цетина, 2004, с. 162] или же на отношениях связывания, «перевода» [Латур, 2015; Каллон, 2017] между разнородными объектами независимо от их природы.

Карта альтернативных подходов к социологии архитектуры, наверное, — достаточный результат для введения в по-прежнему новую для социологов область. «Социология архитектуры» М. Вильковского не дает удовлетворительного решения подобной задачи (возможно, из-за неприязни автора к «гуманитарной мультипара-

дигмальности» и желания предложить радикально другую альтернативу), но по крайней мере приблизила ее корректную постановку.

Библиография

Беньямин В. (2013) Париж — столица девятнадцатого столетия. Беньямин В. *Краткая история фотографии*, М.: Ад Маргинем Пресс: 36-59.

Бодрийяр Ж. (2011) Архитектура: правда или радикальность? *Социологические исследования (Социс)*, 5: 114-122.

Бурдье П. (2001) *Практический смысл*, М.: Институт экспериментальной социологии, СПб: Алетейя.

Вильковский М. (2010) *Социология архитектуры*, М.: Фонд «Русский авангард».

Гибсон Дж. (1988) *Экологический подход к зрительному восприятию*, М.: Прогресс.

Гидденс Э. (2011) *Последствия современности*, М.: Праксис.

Глазычев В. (1978) Социология архитектуры — какая и для чего? М.: Стройиздат: 25-29.

Гудков А., Морозова О. (2011) Особенности методологии социологического исследования историко-архитектурного объекта. *Архитектон: известия вузов*, 33 (http://archvuz.ru/2011_1/5).

Давыдов А. (2008) *Конкурентные преимущества системной социологии* (http://www.isras.ru/publ.html?id=855)

Делитц Х. (2008) Архитектура в социальном измерении. *Социологические исследования (Социс)*, 10: 113-121.

Джекобс Дж. (2011) *Жизнь и смерть больших американских городов,* М.: Новое издательство.

Дьюи Д. (1997) *Психология и педагогика мышления*, М.: Совершенство,

Каллон М. (2017). Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Брие. *Логос*, 2.

Кияненко К. (2012) Социология и социальная теория архитектуры: проблемы междисциплинарности . *Очередной IV Всероссийский социологический конгресс 2012*. Секция 40. Социология архитектуры. Интернет-сайт Российского общества социологов. (http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=339).

Кнорр-Цетина К. (2006) Социальность и объекты: социальные отношения в постсоциальных обществах знания. В. Вахштайн (ред.) *Социология вещей,* М.: Территория будущего: 267-306.

Латур Б. (2006) Об интеробъективности. В. Вахштайн (ред.). *Социология вещей*, М.: Территория будущего: 169-198.

Латур Б. (2015) *Пастер: Война и мир микробов*, СПб.: Изд. ЕУСПб.

Лотман Ю. (2000) Архитектура в контексте культуры. Лотман Ю. *Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки*, СПб.: «Искусство — СПб.»: 677–683.

Маклюэн М. (2003) *Понимание медиа: Внешние расширения человека*, М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле.

Мулеев Е. (2014) Архитектура и социология в СССР: опыт взаимодействия. *Социологические исследования (Социс)*, 12: 111-120.

Норман Д. (2006) *Дизайн привычных вещей*, М.: Вильямс.

Платов А. (2011) Новая наука о городском комфорте и коммуникации поколений. *КоммерсантЪ-Наука*, 9 (5 декабря): 92-93. (http://www.kommersant.ru/doc/1822897).

Плеснер Х. (2004) *Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию*, М.: РОССПЭН.

Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса (2012). Интернет-сайт Института социологии РАН (http://www.isras.ru/publ.html?id=2469).

Смит Р., Бани В. (2010) Теория символического интеракционизма и архитектура. *Социологические исследования (Социс)*, 9: 71-79.

Сорокин П. (2000) *Социальная и культурная динамика*, СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного ун-та.

Филиппов А. (2008) *Социология пространств*а, СПб.: Владимир Даль.

Хан-Магомедов С. (2005) *Сто шедевров советского архитектурного авангарда*, М.: URSS.

Хартия ЮНЕСКО/МСА по архитектурному образованию (2011) Международный союз архитекторов (http://www.uia-architectes.org/)

Чирскова Т., Заславский Г. (2011) Убежища или хранилища информации. Михаил Вильковский: «Социология архитектуры будет развиваться, но постепенно». *НГ-ExLibris*, 23 (609). (http://www.ng.ru/ng_exlibris/2011-06-30/2_vilkovsky.html).

Эко У. (1998) *Отсутствующая структура: Введение в семиологию*, СПб.: Петрополис.

Ядов В. (ред.) (1998) *Социология в России*, М.: Изд-во Института социологии РАН.

Яргина З., Хачатрянц К. (1990) *Социальные основы архитектурного проектирования*, М.: Стройиздат.

Ankerl G. (1981) *Experimental Sociology of Architecture: A Guide to Theory, Research and Literature*, Hague: De Gruyter Mouton.

Bahrdt H.-P. (1961) *Die moderne Großstadt. Soziologische Überlegungen zum Städtebau*, Reinbek: Rowohlt.

Bahrdt H.-P. (1968) *Humaner Stadtebau: Überlegungen zur Wohnungspolitik und Stadtplanung für eine nahe Zukunft*, Hamburg: Wegner.

Baudrillard J. (1999) Vérité ou radicalité de l'architecture. *Le Moniteur Architecture AMC*, 95: 52-57.

Beaman J. (2002) Architectural Sociology. *Footnotes*, 30 (9) (http://www.asanet.org/footnotes/dec02/fn17.html).

Blumer H. (1966) Sociological Implications of the Thoughts of George Herbert Mead. *American Journal of Sociology*, 71 (5): 535-544.

Davis U. (1999) *The Culture of Buildings*, New York: Oxford University Press.

Delitz H. (2006) Die Architektur der Gesellschaft: Architektur and Architektur theorie im Blick der Soziologie. *Wolkenkuckucksheim | Cloud-Cuckoo-Land* | Воздушный замок *(W|C|B)*, 10 (1) (http://www.cloud-cuckoo.net/openarchive/wolke/deu/Themen/051/Delitz/delitz.htm).

Durning L., Wrigley R. (eds.) (2000) *Gender and Architecture*, New York: Academy Press.

Feldhusen G. (1975) *Soziologie fur Architekten: Wissenschaft in der Planungspraxis*, Stuttgart.: Deutache Verlag-Anstalt GmbH.

Fischer J., Delitz H. (2009) *Die Architektur der Gesellschaft: Theorien für die Architektursoziologie*, Bielefeld: Transcript Verlag.

Gutman R. (1985) *The Design of American Housing: A Reappraisal of the Architect's Rol*e, New York: Publishing Center for Cultural Resources.

Gutman R. (1988) *Architectural Practice: A Critical View,* New York: Princeton Architectural Press.

Gieryn T. (2002) What Buildings Do. *Theory and Society*, 31: 35-74.

Mead G.H. (1934) *Mind, Self, and Society*, Chicago: The University of Chicago Press.

Mitscherlich A. (1965) *Die Unwirtlichkeit unserer Städte: Anstiftung zum Unfrieden*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Proto F. (2006) *Mass. Identity. Architecture: Architecture Writing of Jean Baudrillard*, Chichester: Wiley-Academy.

Psarra S. (2012) *Architecture and Narrative: The Structure of Space and Cultural Meaning in Buildings*, London; New York: Routledge.

Shields R. (1992) *Lifestyle Shopping: The Subject of Consumption*, London: Routledge.

Smith R.W., Bugni V. (2006) Symbolic interaction theory and architecture. *Symbolic Interaction*, 29 (2): 123-155.

Sommer R. (1969). *Personal Space: The Behavioral Basis of Design*, Eaglewood Cliffs: Prentice Hall.

Sommer R. (1974). *Tight Spaces: Hard Architecture and How to Humanize it,* Eaglewood Cliffs: Prentice Hall.

Sommer R. (1983) *Social Design: Creating Buildings with People in Mind,* Eaglewood Cliffs: Prentice Hall.

Steel F. (1973). *Physical Settings and Organizational Development*, Reading: Addison-Wesley.

Steel F. (1981). *The Sense of Place*, Boston: CBI Publishing Company.

Steel F. (1983). *Making and Managing High-quality Workpalces,* New York: Teachers College Press.

Yaneva A., Guy S. (2008) Understanding Architecture, Accounting Society. *Science and Technology Studies*, 1 (1).

Zeisel J. (1975) *Sociology of Architectural Design*, New York: Russel Sage Foundation.

Zeisel J. (1977) *Low Rise Housing for Older People: Behavioral Criteria for Design,* Washington: Department of Housing and Urban Development.

Zeisel J. (1984) *Inquiry to Design: Tools for Environment-Behavior Reserch*, New York: Cambridge University Press.

References

Ankerl G. (1981) *Experimental Sociology of Architecture: A Guide to Theory, Research and Literature*, Hague: De Gruyter Mouton.

Bahrdt H.-P. (1961) *Die moderne Großstadt. Soziologische Überlegungen zum Städtebau*, Reinbek: Rowohlt.

Bahrdt H.-P. (1968) *Humaner Stadtebau: Überlegungen zur Wohnungspolitik und Stadtplanung für eine nahe Zukunft*, Hamburg: Wegner.

Baudrillard J. (1999) Vérité ou radicalité de l'architecture. *Le Moniteur Architecture AMC*, 95: 52-57.

Baudrillard J. (2011) Arhitektura: pravda ili radikal'nost'? [Architecture: Truth Or Radicalism]. *Sociologicheskie issledovaniya (Socis),* 5: 114-122.

Beaman J. (2002) Architectural Sociology. *Footnotes*, 30 (9) (http://www.asanet.org/footnotes/dec02/fn17.html).

Benjamin W. (2013). Parizh — stolica devyatnadcatogo stoletiya [Paris: Capital of the Nineteenth Century]. Benjamin W. *Kratkaya istoriya fotografii [A short history of photography]*, M.: Ad Marginem Press: 36-59.

Blumer H. (1966) Sociological Implications of the Thoughts of George Herbert Mead. *American Journal of Sociology*, 71 (5): 535-544.

Bourdieu P. (2001). *Prakticheskij smysl [Practical Sence],* M.: Institut ehksperimental'noj sociologii, SPb.: Aletejya.

Callon M. (2017) Nekotorye ehlementy sociologii perevoda: priruchenie morskih grebeshkov i rybolovov buhty Sen-Briyo [Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay]. *Logos*, 2.

Chirskova T., Zaslavskij G. (2011) Ubezhishcha ili hranilishcha informacii. Mihail Vil'kovskij: "Sociologiya arhitektury budet razvivat'sya, no postepenno" [Sanctuaries or Repositories of Information. Mikhail Vil'kovskij: "Sociology of Architecture will Advance but Gradually"]. *NG-ExLibris,* 23 (609). (http://www.ng.ru/ng_exlibris/2011-06-30/2_vilkovsky.html).

Davis U. (1999) *The Culture of Buildings*, New York: Oxford University Press.

Davydov A. (2008) *Konkurentnye preimushchestva sistemnoj sociologii [Competitive Advantages of Systemic Sociology].* Institut sociologii RAN (Internet site). (http://www.isras.ru/publ.html?id=855).

Delitz H. (2006) Die Architektur der Gesellschaft: Architektur and Architektur theorie im Blick der Soziologie. *Wolkenkuckucksheim | Cloud-Cuckoo-Land* | Воздушный замок *(W|C|B)*, 10 (1) (http://www.cloud-cuckoo.net/openarchive/wolke/deu/Themen/051/Delitz/delitz.htm).

Delitz H. (2008) Arhitektura v social'nom izmerenii [The Architecture of Society]. *Sociologicheskie issledovaniya (Socis)*,10: 113-121.

Dewey J. (1997). *Psihologiya i pedagogika myshleniya [How We Think]*, M.: Sovershenstvo.

Durning L., Wrigley R. (eds) (2000). *Gender and Architecture*, New York: Academy Press.

Eco U. (1998). *Otsutstvuyushchaya struktura: Vvedenie v semiologiyu [The Absent Structure: Introduction to Semiological Research*], SPb.: Petropolis.

Feldhusen G. (1975) *Soziologie fur Architekten: Wissenschaft in der Planungspraxis*, Stuttgart: Deutache Verlag-Anstalt GmbH.

Filippov A. (2008). *Sociologiya prostranstva [Sociology of Space]*, SPb.: Vladimir Dal'.

Fischer J., Delitz H. (2009) *Die Architektur der Gesellschaft: Theorien für die Architektursoziologie*, Bielefeld: Transcript Verlag.

Gibson J. (1988) *Ekologicheskij podhod k zritel'nomu vospriyatiyu [The Ecological Approach to Visual Perception]*, M.: Progress.

Giddens E. (2011) *Posledstviya sovremennosti [The Consequences of Modernity]*, M.: Praksis.

Gieryn T. (2002) What Buildings Do. *Theory and Society*, 31: 35-74.

Glazychev V. (1978) *Sociologiya arhitektury — kakaya i dlya chego? [The Sociology of Architecture: What Kind and Why?] Zodchestvo,* 2 (21), M.: Strojizdat: 25-29.

Gudkov A., Morozova O. (2011) Osobennosti metodologii sociologicheskogo issledovaniya istoriko-arhitekturnogo ob"ekta [Specifities in Methodology of Sociological Study for Historical-and-Architectural Objects]. *Arhitekton: Izvestiya Vuzov*, 33 (http://archvuz.ru/2011_1/5).

Gutman R. (1985). *The Design of American Housing: A Reappraisal of the Architect's Role.* — New York: Publishing Center for Cultural Resources.

Gutman R. (1988). *Architectural Practice: A Critical View*, New York: Princeton Architectural Press.

Hartiya YUNESKO/MSA po arhitekturnomu obrazovaniyu [UNESCP-UIA Charter for Architectural Education] (2011). International Union of Architects (Internet Site) (http://www.uia-architectes.org/sites/default/files/RU_Charte_2011B.pdf).

Jacobs J. (2011). *Smert' i zhizn' bol'shih amerikanskih gorodov [The Death and Life of Great American Cities],* M.: Novoe izdatel'stvo.

Khan-Magomedov S. (2005). *Sto shedevrov sovetskogo arhitekturnogo avangarda [100 Masterpieces of the Soviet Architectural Avant-Garde],* M.: URSS.

Kiyanenko K. (2012). Sociologiya i social'naya teoriya arhitektury: problemy mezhdisciplinarnosti [Sociology and Social Theory of Architecture: Issues of Interdisciplinariry]. *Ocherednoj IV Vserossijskij sociologicheskij kongress* 2012. Sekciya 40. Sociologiya arhitektury. Rossijskoe obshchestvo sociologov (Internet site) (http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=339).

Knorr-Cetina K. (2006). Social'nost' i ob"ekty: social'nye otnosheniya v postsocial'nyh obshchestvah znaniya [Sociality with Objects: Social Relations in Postsocial Knowledge Societies]. V. Vakhshtayn (red.). *Sociologiya veshchej [The Sociology of Things],* M.: Territoriya budushchego: 267-306.

Latour B. (2006). Ob interob"ektivnosti [On Interobjectivity] V. Vakhshtayn (red.). *Sociologiya veshchej [The Sociology of Things],*M.: Territoriya budushchego: 169-198.

Latour B. (2015). *Paster: Vojna i mir mikrobov* [The Pasteurization of France], SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Lotman Y. (2000) Arhitektura v kontekste kul'tury [Architecture in Culture Context].

Lotman Y. *Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchih mirov. Stat'yi. Issledovaniya. Zametki* [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Intellective Worlds. Articles. Studies. Remarks], SPb.: Iskusstvo SPb: 677–683.

McLuhan M. (2003) *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: The Extensions of Man],* M.: Kanon-press.

Mead G.H. (1934) *Mind, Self, and Society*, Chicago: The University of Chicago Press.

Mitscherlich A. (1965) *Die Unwirtlichkeit unserer Städte: Anstiftung zum Unfrieden*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Muleev Y. (2014) Arhitektura i sociologiya v SSSR: opyt vzaimodejstviya [Architecture and Sociology in the USSR: Collaboration Experience]. *Sociologicheskie issledovaniya (Socis),* 12: 111-120.

Norman D. (2006) *Dizajn privychnyh veshchej* [The Design of Everyday Things], M.: Vil'yams.

Platov A. (2011). Novaya nauka o gorodskom komforte i kommunikacii pokolenij [New Science on City Comfort and Inter-generations Communication]. *Kommersant-Nauka*, 9 (5 dekabrya): 92-93. (http://www.kommersant.ru/doc/1822897).

Plessner H. (2004). *Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu [The Stages of the Organic and Man: Introduction to Philosophic Anthropology]*, M.: ROSSPEN.

Proto F. (2006) *Mass. Identity. Architecture: Architecture Writing of Jean Baudrillard*, Chichester: Wiley-Academy.

Psarra S. (2012) *Architecture and Narrative: The Structure of Space and Cultural Meaning in Buildings*, London; New York: Routledge.

Shields R. (1992) *Lifestyle Shopping: The Subject of Consumption*, London: Routledge.

Smith R.W., Bugni V. (2006) Symbolic interaction theory and architecture. *Symbolic Interaction*, 29 (2): 123-155.

Sociologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie (2012) [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development]. Materialy IV Ocherednogo Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa. Institut sociologii RAN (Internet site) (http://www.isras.ru/publ.html?id=2469)

Sommer R. (1969). *Personal Space: The Behavioral Basis of Design*, Eaglewood Cliffs: Prentice Hall.

Sommer R. (1974) *Tight Spaces: Hard Architecture and How to Humanize it.,* Eaglewood Cliffs: Prentice Hall.

Sommer R. (1983) *Social Design: Creating Buildings with People in Mind*, Eaglewood Cliffs: Prentice Hall.

Sorokin P. (2000). *Social'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. SPb.: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo universiteta.

Steel F. (1973). *Physical Settings and Organizational Development*, Reading: Addison-Wesley.

Steel F. (1981) *The Sense of Place*, Boston: CBI Publishing Company.

Steel F. (1983) *Making and Managing High-quality Workpalces*, New York: Teachers College Press.

Vil'kovskij M. (2010) *Sociologiya arhitektury [The Sociology of Architecture]*, M.: Fond «Russkij avangard».

Yadov V. (red.) (1998) *Sociologiya v Rossii [Sociology in Russia],* M.: Izdatel'stvo Instituta sociologii RAN.

Yaneva A., Guy S. (2008) Understanding Architecture, Accounting Society. *Science and Technology Studies*, 1 (1).

Yargina Z., Hachatryants K. (1990) *Social'nye osnovy arhitekturnogo proektirovaniya [Social Foundations of Architectural Design]*, M.: Strojizdat.

Zeisel J. (1984). *Inquiry to Design: Tools for Environment-Behavior Reserch*, New York: Cambridge University Press.

Zeisel J. (1977). *Low Rise Housing for Older People: Behavioral Criteria for Design*, Washington: Department of Housing and Urban Development.

Zeisel J. (1975). *Sociology of Architectural Design,* New York: Russel Sage Foundation.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Титков А.С. (2017) Социология архитектуры: кирпичи для сборки. *Рецензия на книгу:* Вильковский М.Б. (2010) Социология архитектуры, М.: Фонд «Русский авангард». *Социология власти*, 29 (1): 233-257.

Titkov A.S. (2017). Sociology of Architecture: Bricks to Construct From. *Review:* Vilkovskiy M.B. (2010) Sociologija arkhitektury [Sociology of Architecture], M.: Fond «Russkiy Avangard». *Sociology of power*, 29 (1): 233-257.